

ПЕРВЫЕ ЧУВСТВА

Дина
Артёмкина

Дотрокнуться до сердца

~~Я люблю тебя!~~
♥♥♥ Я хочу
заботиться о тебе!
♥♥♥ Нам надо
расстаться...

$M + G = \heartsuit$

Первые чувства. Книги о любви

Дина Артёмкина

Дотронуться до сердца

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Артёмкина Д.

Дотронуться до сердца / Д. Артёмкина — «Азбука»,
2026 — (Первые чувства. Книги о любви)

ISBN 978-5-389-33199-0

Милене четырнадцать, и она страшно переживает, что может потерять интерес своего друга Фёдора. Но занятия в театральной студии – отличный шанс сблизиться, ведь там парень проводит всё своё свободное время. Неожиданно для себя Милена оказывается в центре внимания и получает поддержку от Саши, талантливого актёра из Санкт-Петербурга. Фёдор, мечтающий стать режиссёром, испытывает к Милене смешанные чувства. Он боится снова быть преданным – прошлый опыт с другой девушкой очень его ранил. Наблюдая за тем, как Милена сближается с Сашей, он начинает прятаться под маской равнодушия. Но к чему приведёт такое поведение?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33199-0

© Артёмкина Д., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дина Артёмкина
Дотронуться до сердца
повесть

© Дина Артёмкина, 2026
© Оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
«Махаон»®

* * *

Моим родителям с благодарностью и любовью

Предисловие

НЕ всегда удается найти ту самую точку отсчета, момент, когда зародилась история. Но как это было с «Фестивалем иллюзий», я прекрасно помню.

– Ты уже пишешь продолжение? – спросила Юлия Кузнецова, писатель, которая может похвастать не только собственными книгами, но и теми, на которые она вдохновила других.

До этой секунды я не думала ни о каком продолжении. Милена и Федор, герои повести «Остров внутри», стояли посреди арт-галереи, держались за руки, и я знала, что их ждут примирение после ссоры и долгие сердечные отношения. Но читая сообщение Юлии – наверное, так из точки распаивается галактика! – я увидела театральный фестиваль и его участников, нарушающих хрупкое равновесие в отношениях героев и в жизни театральной студии.

С этой секунды история начала разворачиваться сама собой. Мне стало интересно поразмышлять, как складываются отношения в паре, где у парня и девушки разные интересы. Как из секретов и недомолвок вырастает стена отчуждения. И как театральная иллюзия влияет на дружбу и любовь.

Творчество растет из живой жизни, из обыденных событий, переживаний и происшествий. Но и жизнь – чувства, мысли, поступки – меняется под воздействием творчества. И в театре этот взаимообмен особенно важен и заметен. Сумеют ли Милена и Федор сохранить чувства, оказавшись на одной сцене?

Глава 1

Каменный цветок

МИЛЕНА поднялась по лесенке в три ступени и вышла на середину сцены. В лицо ударил свет прожектора. Она вскинула руку, чтобы прикрыть глаза, но усилием воли отвела ее. Она сейчас актриса. Значит, нужно играть. А не защищаться от слепящего света. Там, за фонарем, ее друзья, вся театральная студия. Во втором ряду слева сидит Федор, но его, как и остальных, не разглядеть из-за яркого света прожектора. Остается только верить, что они там и ждут ее выступления. Но что им сказать? Все слова выветрились, как песок из прибрежной ложбины. Из зала раздались аплодисменты. Чтобы успокоиться, Милена шагнула вглубь сцены, в полумрак, нащупала в кармане пульт от колонки и сделала глубокий вдох. А затем вынырнула вперед, в световое пятно. Села на пол спиной к зрителям, спрятала голову в колени – плотный упругий комок.

– «В пустыне жил камень, – произнесла она громко. – Сотни лет лежал он под палящим солнцем. А потом зацвел».

Когда читаешь со сцены чужой текст – это одно. Можно присоединиться к мнению автора или иронизировать. Можно критиковать и посмеиваться. Какую стратегию ни выберешь, это не твои слова. Ты разделяешь ответственность с автором текста. Другое дело – вот такие этюды, где за чужой текст не спрячешься. Здесь ты сам автор, актер и режиссер. Поэтому выступление и пугало Милену.

– «А потом зацвел, – она выбросила вверх правую руку. – „Смотрите, смотрите, камень цветет“, – зашептались другие камни. Но цветок не обратил на них внимания, он был сильным, любопытным и хотел расти».

Милена потихоньку раскрыла ладонь. Сейчас она поднимется на ноги, вытянется в полный рост. Стройная, в черном спортивном комбинезоне с рыжими волосами, собранными в пучок, сама станет похожа на диковинный цветок. А потом она начнет танцевать. Первый раз в жизни станцует на сцене. Милена пошарила левой рукой в кармане – пора было включить музыку. Она выбрала ритмичную завораживающую мелодию, под такую и асфальт зацвел бы. Но пульт не находился. А ведь только что был на месте. Неужели она перепутала?.. Так и есть. Пульт в правом кармане, левой рукой не дотянуться. А правая замерла над головой в ожидании танца. Из зала послышалось шушуканье, а затем громкий шепот:

– Я сама не знаю!

Кто-то рассмеялся, кто-то захлопал в ладоши. Милена опустила руку-цветок, замерла на мгновение, а затем, не поднимая головы, спустилась в зрительный зал. В ушах шумело, ноги дрожали, как после приседаний на физкультуре.

– Ты чего? – спросил Федор, когда она плюхнулась рядом с ним. – Растерялась?

В полумраке карие глаза Федора казались большими, встревоженными. Милена кивнула. Ему она потом все расскажет.

– Следующий! – объявила Анжела.

На сцену взбежала Вероничка, как всегда энергичная, стремительная. Сейчас на ней было черное пальто, явно с плеча Егора или еще кого из парней.

– Уберите рампу, пожалуйста! – попросила она. – Петя, плиз, подсвети стремянку.

Милена шумно выдохнула. Почему, интересно, она не догадалась выключить прожектор? Смотреть этюд Веронички не хотелось. Сейчас бы потихоньку выбраться из зала, сесть с ногами на подоконник между этажами и смотреть на капли дождя, что оставляют за собой на стекле прозрачные дорожки.

Вероничка расхаживала по сцене с видом человека, который страдает манией преследования. Обычно они не ставили сольные этюды, работали в команде, по три-четыре человека. И всегда выходило замечательно. За двадцать минут, что Анжела давала на подготовку, успевали придумать концепцию, распределить роли, прорепетировать этюд. Хотя откуда ей знать, что тут происходит обычно? Она занимается в студии с января, всего два месяца.

Ставить этюды вместе с остальными ей даже нравилось. Милене хорошо давалась командная работа. Она подхватывала чужие идеи, развивала их, за пару минут умудрялась подобрать подходящий реквизит. Когда они ставили этюд по «Преступлению и наказанию», вместо топора она вручила великану Пете теннисную ракетку. Он неловко перекаладывал ее из ладони в ладонь. Все тогда давились от хохота.

Федор на соседнем кресле довольно хмыкнул. Милене проследила за его взглядом: Вероничка, оказывается, забралась на стремянку, стоявшую в глубине сцены, сидела на верхотуре и смотрела в конец зала такими глазами, будто видела вереницу призраков. Бывают лица – хоть плачь, хоть зевай, человека это не испортит. Вероничка скривилась в гримасе отчаяния, но оставалась все такой же хорошенькой. Встала на ноги, поспешно оглянулась и снова посмотрела в зал. Взгляд ее был совсем затравленным, заметно даже в рассеянном свете. Что она собирается делать? Неужели сиганет со стремянки? Весь зал замер в ожидании. Да, Вероничка прирожденная актриса! А она даже простенький танец станцевать не сумела.

После занятия Федор, как обычно, провожал Милену домой. Дворец культуры, где они занимались, был в пяти минутах ходьбы от ее двора. Поэтому Милене и пошла в студию. Федор пропадал там все свободное время. И теперь ему не приходилось выбирать между Миленой и театром.

Они медленно брели по улице. Дождь прекратился. На мокром асфальте мерцали отражения фонарей и сигнальных огней машин. Воздух был по-весеннему теплым, и, хотя стояла только середина марта, снег уже сошел – непривычно рано для Екатеринбурга. Только под деревьями еще виднелись почерневшие слежавшиеся сугробы. Милене крепко держала Федора за руку и ждала, когда он заговорит о ее провале. Но Федор молчал, и тогда Милене спросила сама:

– Это был самый ужасный этюд за всю историю театра?

Федор ответил не сразу. И она успела подумать: он не понял, о чем речь, а значит, ничего страшного не случилось. Но через мгновение Федор заговорил:

– Вот еще! С каждым может случиться. Когда Ренатик первый раз на сцену вышел, вообще все слова забыл, стоял и повторял «Я... это... Я... это...»

Федор засмеялся.

– Но я же не в первый. И вообще! – Милене высвободила руку из его ладони. – Каждый может карман перепутать.

– Конечно! Я об этом и говорю! – Федор поймал ее ладонь. – Не переживай! К лету еще намострячишься! На острове задашь им жару.

– Меня теперь вообще не возьмут на остров! Я бездарность.

– На комплименты напрашиваешься? – Федор притянул ее к себе и легонько боднул.

Идти в обнимку было неудобно, но Милене не высвободилась, подстроилась под его шаг.

– А зачем вообще Анжеле это понадобилось? Моноэтюды эти.

– А смысл действия сего известен лишь нашему режиссеру!

– Да ладно, ты всегда в курсе ее дел, Федь!

– Тебе так кажется. Смотри, у вас на кухне свет горит.

– Вот так неожиданность! – подыграла ему Милене.

– А у меня для тебя... – Федор скинул рюкзак и, порывшись в нем, извлек два кругляша.

В свете фонаря они блеснули отраженным светом. – Муми-тролль или Снорочка?

– Что? – хихикнула Милене.

- Муми-тролль или Снорочка? – повторил Федор. – Выбирай!
 - Они парные! – Милена разглядела в кругляшах знакомые мордочки.
 - Ага, это фликер, – объяснил Федор. – Светоотражатель. Будет о тебе заботиться.
 - Как?
 - Защитит от машин на ночных улицах.
 - Ну, пусть Муми-тролль, – улыбнулась Милена.
- Федор торжественно вручил ей фликер.
- А ты со Снорочкой будешь ходить?
 - Или Снорочка со мной.
 - Смотри, как бы я не заревновала!
 - Пока, кудрулька. – Федор поцеловал ее.
 - Пока, – прошептала Милена.

Нужно было идти домой, делать домашку, готовиться к занятию в архитектурной школе. Нужно... Но так тепло было стоять в объятиях Федора, чувствуя его дыхание в волосах, что Милена забыла и про домашку, и про все остальное.

Глава 2

Вегетарианская пицца

АНЖЕЛА руководила театральной студией восемь лет. И все это время мама Милены, ее однокурсница, брала дочку на спектакли и не встречала особого интереса. А в последние год-два Милена и вовсе отказывалась ходить на премьеры. Поэтому мама удивилась, когда в декабре дочь сообщила, что идет в театральную студию.

– Тебе ведь не понравилось, как она вела лабораторию на острове.

– Да нет, норм, – пожалала плечами Милена.

Театральная лаборатория была, конечно, очень уж... креативной. Зато там Милена познакомилась с Федором и Тасей.

Мама прищурилась:

– Вы с Федей и так каждый день видитесь.

– Ну, мам, при чем тут это?

Но пунцовые пятна на шее Милены говорили, что очень даже при чем.

– И вообще! С Федором видимся, а с Тасей совсем редко!

– А как ты будешь совмещать с архитектурной школой? Со шведским?

– Ну, как-нибудь буду...

С того разговора прошло три месяца, и пришлось признать, что совмещать оказалось не просто. Шведский язык она почти забросила, не хватало мотивации. Но занятия в школе при Архитектурном университете не пропустила ни разу. Конечно, осенью, в девятом классе, нагрузки прибавится. Но об этом Милена и думать не хотела. В театралке она проводила три-четыре вечера в неделю, а потом до полуночи готовила уроки. И все бы ничего, если бы актерское мастерство легко ей давалось.

Милена вздохнула. Как-нибудь... Вот и выходило как-нибудь. Впрочем, сегодняшние эскизы ей нравились. Нужно будет вечером еще порисовать. Она положила маркеры и рисунки в папку, попрощалась с Инной Юрьевной и сокурсницами и, накинув куртку, спустилась по скрипучей лестнице.

Друзья ждали ее в пиццерии напротив Пряника – так в городе прозвали коричневый, с деревянными завитушками, особняк, в котором располагалась архитектурная школа. Милена, на ходу застегивая куртку, поспешила к пешеходному переходу. После вчерашнего ливня город был свежим, дерзким. Весеннее солнце отражалось в лужах, из литературного квартала доносились басы уличных музыкантов. Ветер потянул к себе папку, растрепал рыжие кудри, Милена подставила лицо солнцу и рассмеялась. Пусть все идет своим чередом, как-нибудь устаканится.

В пиццерии, как обычно, было многолюдно. Неужели ребятам не хватило места? Милена собиралась позвонить Федору, но увидела, как Тася машет ей из-за столика в глубине зала.

– А вот и прекрасная воительница за красоту в каменных джунглях! – улыбнулся Ренат, и широкое скуластое лицо стало совсем круглым.

– Привет и тебе, о великий шутник!

Тася встала из-за столика и обняла Милену.

– Мы заказали вегетарианскую. Пойдет?

– Ну, раз уже заказали. Кому деньги отдать?

– Мне! И побольше! – хохотнул Ренат.

– Не слушай его! Федя платил.

Милена протиснулась на диванчик, где сидел Федор. Он отложил планшет, в котором что-то печатал, и чмокнул ее в щеку. С его рюкзака поглядывала Снорочка, подружка Мумитролля, и Милена заулыбалась.

– Как там волшебный осьминог? – спросил Ренат и шумно потянул газировку через трубочку.

– Ты про макет детской площадки? – спросила Милена. – Там не осьминог, а...

– Ну и где он?

– Нету. На выставку забрали. Мы сегодня новую работу начали. – Милена положила папку за спину.

– Покажешь? – спросил Федор.

– Потом. А вы что делаете?

Она посмотрела на планшет в центре стола. На экране виднелась табличка с городами.

– Да тут Анжела... – Тася бросила быстрый взгляд на Федора. – В мае театральный фестиваль будет. И Анжела...

Тася пришла в театр немногим раньше Милены – сразу после летней лаборатории на Ежином острове, – а знает всегда больше. Все вокруг как будто дружили крепче, любили сцену сильнее, знали что-то, чего не знала она. Милена попыталась улыбнуться, чтобы скрыть огорчение. К счастью, к столику подошла официантка. Она водрузила на середину стола пиццу со скворчащим сыром. Федор едва успел убрать планшет на диван.

– Налетай! – Ренат схватил самый большой кусок пиццы. – Ай, горячо!

– А вот не надо торопиться! – Тася деловито вытерла руки влажной салфеткой.

Милена и Федор потянулись к одному и тому же куску и, переглянувшись, засмеялись.

– Бери, – сказал Федор.

– Нет, ты бери!

– Ой, ну началось! – Тася закатила глаза. – Ты про фестиваль будешь слушать или как? В Екатеринбург приедут разные студии, подростковые и молодежные. И Анжела придумала, что у каждого коллектива будет свой куратор. Правда, нас в студии много. Больше, чем коллективов.

– То есть будет отбор? – спросила Милена.

– Уже был, – сказал Ренат, запихивая в рот кусок пиццы.

– Вчерашние этюды? А почему она сразу не сказала?

– Да нет, – отмахнулась Тася. – Это для другого...

– А что, все хотят быть кураторами? – перебила Милена.

– Это круто! – ответил Ренат. – Ходишь повсюду с гостями. Нас на фестивале в Омске такие классные девахи курировали.

– Эй! – Тасины глаза гневно сверкнули. – Что-то ты об этих девах не рассказывал!

– А чего про них рассказывать? Это год назад было, – Ренат подмигнул Тасе. – А еще кураторам освобождение от школы дают!

– Фестиваль на майские праздники придется, – сказал Федор. – Так что освобождение нам не светит.

Милена коснулась погасшего экрана.

«Омск – Вероника. Москва – Ренат. Санкт-Петербург – Федор. Челябинск – Виля. Тюмень – Петя».

– Ты не расстроилась? – Федор коснулся ее руки.

– А должна? – фыркнула Милена.

– Если хочешь, будешь мне помогать.

– У меня на сцене коленки трясутся. Куда уж мне в кураторы?

– Это потому, что ты сосредоточена на том, чтобы что-то показать. Если на внутреннем состоянии сконцентрироваться, вообще забываешь о зрительном зале. Попробуй в следующий раз...

– Федя, перестань, – попросила Милена.

– Просто сосредоточься на ком-то одном и рассказывай все ему.

– Какие еще будут предложения?

Федор на секунду застыл.

– Я просто хочу помочь. Понимаю, каково это – растеряться.

– Я уже говорила: просто карман перепутала.

– Так об этом и речь! На сцене такое постоянно... Приходится выкручиваться!

– Я советов, кажется, не спрашивала!

Федор запустил пятерню в темные волосы, усмехнулся.

– Так, тут всем по два куска! – сказал Ренат. – Лопайте скорей, а то я за себя не отвечаю!

– Съешь мой, если хочешь, – тихо сказала Тася.

– Вообще не понимаю, что постановка одного этюда может сказать о тебе как об организаторе, – сказала Милена и сложила пополам салфетку.

– Так этюды не для фестиваля, – попыталась вклиниться Тася, но Федор и Милена даже не услышали ее.

– Если человек может за двадцать минут собраться и организовать себя, то, поверь мне, это многое о нем говорит!

– А если не может, тоже говорит? – Милена отодвинулась от него и сложила руки на груди. – Ясно!

– Ребят, да ладно вам! – жалобно сказала Тася. – Федя, ну скажи ей про новый спектакль!

Но Милена уже встала из-за столика.

– Знаете, я не хочу сегодня гулять. Лучше потренируюсь концентрироваться на внутреннем состоянии.

– Мила, ты куда? – Тася всплеснула руками. – Федя! Ну ты и душнила!

Ответ Федора утонул в шуме пиццерии. Милена спешила к выходу.

Глава 3

Голубки

Ей удалось открыть дверь бесшумно. Осталось преодолеть коридор, и она окажется в спасительной тишине комнаты и избежит маминых расспросов. Милена специально шла домой пешком. Но все равно вернулась раньше обычного. Стараясь не звякнуть молнией, повесила куртку на крючок и услышала мамин голос, доносившийся из гостиной. Только звучал он как-то необычно. Мама не говорила, а ворковала.

– Не смешно, что ли?

– Ни капельки, – ответил папин голос.

– Смешно-смешно, – прокурлыкала мама. – Ты глазами улыбаешься!

Милена, не в силах побороть любопытство, шагнула к дверям в гостиную. Папа сидел на диване, а мама лежала, вытянувшись во весь рост – головой на его коленях. Папа гладил маму по щеке, она щурилась, как от солнца.

– Я в душе клоунесса! Хочу, чтобы ты всегда смеялся!

– Боюсь, тогда меня с работы... попросят.

Мама ответила ему счастливым смехом, подняла голову и заметила Милену.

– Уже дома? – спросила она обычным голосом. – Голодная?

Мама сняла ноги с подушки и повернулась на бок.

– Лежи, я бутер сделаю, – ответила Милена.

– И мне парочку, – попросил папа.

– Ок. – Милена замерла в дверном проеме. – А что у вас за романтик?

Папа и мама переглянулись.

– Суббота, – пожал плечами папа.

– А-а-а... А куда вы Андрюшу дели?

– У друга, через полчаса должны привезти. – Мама села. – Ладно, раз все голодные, закажем пиццу.

Милена сглотнула слюну:

– Только не вегетарианскую.

На мгновение ей захотелось втиснуться между родителями, взять их за руки, как раньше, когда она была совсем маленькой, а Андрюши не было вовсе. Но вместо этого ушла в спальню, спряталась среди подушек от горестей, сомнений, от родительского этого воркования... Клоунесса?! Мама в длинном вельветовом платье, мама со строгим взглядом – клоунесса? Да она даже в цирк не ходит – не хочет вносить вклад в мучения животных. Какая еще клоунесса?

Перед Новым годом мама устроила семейную фотосессию. Купила всем четверым одинаковые свитеры, арендовала студию с панорамными окнами, и целый час они позировали фотографу, который без конца менял объективы и называл Андрюшу дяденькой, чем вызывал у того неистовый хохот.

На фотографиях они вышли красивыми – хоть в журнал «Family» (если такой бывает). Папа обнимает маму, а мама нежно смотрит на Милену и Андрюшу, которые обмениваются подарками. Милые брат и сестра с разницей в девять лет. Образцовая семья. Но, вообще-то, утром они ужасно перессорились. Папа проспал, Милена и Андрюша поругались из-за кукурузных хлопьев, и мама сказала в сердцах, что больше никогда ничего не будет устраивать, раз никому не нужно. Тогда папа молча улегся на диван, и Милена думала, что не будет никакой фотосессии. Но уже через два часа они улыбались в камеру и передавали друг другу пустые коробки с бантиками. И было не разобрать, что правда: ссора или любовь.

В ее семье все будет по-другому! Никаких фотосессий, пока не помирились... А если Федор... Милена покраснела. Никаких таких обещаний они друг другу не давали. Да и вообще ей только четырнадцать. А Федор всего на полтора года старше. Милена села на кровать, взяла в руки телефон, чтобы отвлечься. Новых сообщений не было.

Эх, а ведь он правда хотел ей помочь. Откуда ему знать, что, когда он говорит: «Ты еще новичок в театре», она слышит: «Ты чужая»? Мог бы догадаться, конечно. Но все-таки зря она набросилась на него.

«Прости меня, сама не знаю, что на меня нашло. В пять на пруду, – написала Милена и, подумав, добавила: – Муми-тролль». Она нажала «отправить». Через минуту серые галочки стали лазурно-голубыми: Федор прочитал сообщение.

Глава 4

Ежиный остров

ЕСЛИ бы Федора спросили, что для него значит Ежиный остров, он ответил бы не задумываясь. Каждое лето с одиннадцати – четыре года подряд, получается, – он ездил на Ежиный. Сначала – участником театральной лаборатории. Тему заезда, тренинги, спектакль придумывали Анжела и старшие ребята. А они, младшие, бродили по Ежиному, искали тайные места, мастерили обереги, учились фехтовать и устраивали музыкальные баттлы. Первую половину лета он ждал лабораторию, а вторую, вернувшись в город, повторял ее во дворе. Прошлым летом он оказался одним из «старших» и помогал Анжеле проводить тренинги. И гордился, что она доверяет ему и по-настоящему ценит. Федор собирался стать режиссером, а весь этот опыт пригодится ему при поступлении.

Каждый год Ежиный открывался ему с новой стороны. Сначала остров был неизведанной чащей с буреломом, солнечными пригорками и бескрайними полянами спелой черники. Потом – кораблем, терпящим бедствие посреди океана: в тот год им совершенно не повезло с погодой. Ливни обрушились на остров, по тропинкам бежали ручьи, вещи не успевали просохнуть. Затем было лето, когда Ежиный впору было переименовать в Осинный остров. Каждая трухлявая береза стала прибежищем ос, и все участники лаборатории были покусаны. А потом наступило лето, когда он встретил Милену.

Планируя ту лабораторию, они с Анжелой долго спорили. Он предлагал сделать историю в духе сериала «Очень странные дела», с потусторонней жутью, исчезновениями и пришельцами. А она уговорила его на муми-троллей Туве Янссон. Потом Мила рассказала, что ее именно муми-тролли заинтересовали. На странные дела она не подписалась бы.

Поначалу Милену вообще не прониклась островом – палаточной романтикой, бликами костра, возможностью делить кусок хлеба с муравьями. Удивительно, потому что, когда он ее увидел, подумал, что она совершенно островная, будто тот кусочек, которого Ежиному всегда не хватало, только остров не знал об этом. И Федор не знал, остров всегда казался ему полнокровным. Но теперь без Милены он стал бы печальным и одиноким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.